

Еще раз подчеркну, вслед за В. П. Зубовым (1963, с. 129 и сл.), что качество у Аристотеля не было «окультурным качеством» поздних схоластов. Это было необъясняющим объяснением, субъективным «эпифеноменом», полемически заостренным к атомистической доктрине Демокрита (V—IV в. до н. э.) и Эпикура (IV—III в. до н. э.), а позднее — к картезианскому механицизму XVII столетия. Картина мира у Аристотеля оставляет элементы-качества вне собственных рамок. Между тем качества эти есть и они неприкосновенны, ибо они в некотором смысле объективно характеризуют бытийность всех вещей; то, что они есть; сами же субъективны. Они — принципы-метафоры. Элементы-качества есть, но с помощью их ни действовать, ни объяснить что-либо существенное нельзя. Учение об элементах — не работающий, но обязательный фрагмент чувственного миропостижения.

Однако в веках запечатлелось иное. Опущу пока эти многие века и сразу перейду к критике Аристотеля⁵.

«Положим, известно, — говорит Мальбранш (XVII—XVIII в.), — что в огне есть субстанциальная форма, сопровождаемая миллионом таких свойств, как свойство нагревать, расширять, плавить золото, серебро и все металлы, светить, жечь, варить; теперь предложите мне решить такой вопрос: может ли огонь сделать твердой грязь и размягчить воск...» (Зубов, 1963, с. 312). Конечно, может. Но об этом нам скажет чувственный опыт, а не дедукция из приведенного Мальбраншем перечня свойств огня. Так скажем мы. Мальбранш ждет иного: он тщетно ждет от Аристотелева учения об элементах предсказательных акций, не понимая, что не в том было его предназначение.

И. Ф. Генкель (XVII—XVIII в.), немецкий химик и минералог, ученик Штала, писал: «Когда говорят о соли вообще как о сложном теле и утверждают, что она состоит из одного или двух видов земли и воды, то получают тем самым реальное и подлинное понятие о соли, коль скоро нам известно, что именно называется землей и что именно называется водой; а тем самым, если я захочу получить какую-либо соль, я буду знать, что для этого нужно иметь в наличии нечто, содержащее землю, и нечто, содержащее воду... Наоборот, если я скажу, что эта соль состоит из острых и игольчатых частиц, более длинных, чем широких, то это отнюдь не поможет мне отыскать такую соль, да и никому другому я не смогу указать, где именно нужно искать такие крючки и острия» (там же). Генкель наносит сразу два удара: один — по Аристотелю, другой — по Демокриту (оба — мимо цели). Натурфилософские умозрения древних немецкий натуралист хочет примирить, применив к делу: как получить, что взять, что смешать. Хочет химии, физики, физико-химии в рукотворном их смысле. И... не

⁵ Но не того — тонкого и многомудрого, а совсем другого, именем которого прикрывались эти века; то есть к критике того, к чему исторический Аристотель прямого отношения не имел — к послесредневековой критике тысячелетнего перипатетизма.